

УДК 94.(47) 081:338.43

Головня Александр Иванович

ФГБОУ ВПО «Московский Государственный университет приборостроения и информатики»

Москва, Россия

Профессор кафедры

Доктор юридических наук, кандидат педагогических наук

E- mail:gai20013@gmail.com

Пограничная безопасность России: методологический ракурс исследования

Аннотация. В представленной работе анализируются методологические подходы к исследованию историографического пространства пограничной безопасности. Посредством конструирования уникальной методологической схемы, автор предьявляет научной общественности конгломерат аргументов, доказывающих принципиальную возможность, допустимость и полезность целевого ретроспективного анализа проблем защиты интересов России на ее внешних границах.

Ключевые слова: ретроспективы; историческая рефлексия; ретропрогнозы; пространство безопасности; методологическая схема.

Анализ теоретико–познавательных корней становления системы обеспечения пограничной безопасности современной России, подтвердил, что понимание указанного процесса не возможно без исследования его историографических оснований. Определение таковых требует собственной методологии, что, по сути, является – ни чем иным, как **формой исторической рефлексии**, абсолютно необходимой для формирования соответствующего социального опыта [4, С. 63–71].

Потребность исследований указанного спектра диктуется:

- возрастающим значением безопасности как глобальной ценности российского социума, настоятельной потребностью уточнения существа понятий, связанных с процессуальными характеристиками защиты жизненно важных интересов государства и общества;
- необходимостью постоянного совершенствования комплексной методологии защиты жизненно важных интересов России в ее пограничных пространствах и на путях международных сообщений;
- дефицитом научного анализа факторов, связанных с разработкой и осуществлением государственной пограничной политики, проводимой в указанном направлении;
- наличием значительного числа методологических дефектов в оценках угроз нормальному функционированию государственного механизма страны,
- необходимостью разработки методик парирования, локализации и упреждения таких угроз в пограничных пространствах Российской Федерации;
- потребностью качественного переосмысления основных стратегий государственной пограничной политики, реализованной за период, прошедший после распада Советского Союза.

Ценной в рассматриваемой связи является возможность построения исторических **ретропрогнозов**, обеспечивающих средствами кросс-временного анализа устранение содержательных пробелов в исследуемых событиях, преодоление обнаруженных информационных пробелов и коллизий.

Понимание уникальности характеризуемого подхода позволило подготовить и провести целевой непостановочный эксперимент по проверке гипотезы о наличии уникального историографического **пространства пограничной** безопасности, своеобразным порядком характеризующего институализацию структур защиты жизненно важных интересов российского государства в различные периоды его функционирования. Описания методологии, хода и результатов этого эксперимента в деталях представлены научной общественности [3].

Проведенная работа получила весомое одобрение и в настоящее время успешно продолжается. При этом отмечено, что выбор средств научно-экспериментального анализа был предопределен следующими положениями.

Во-первых, целевое исследование реалий, связанных со становлением системы обеспечения пограничной безопасности государства, оказалось принципиально допустимым, информационно насыщенным и весьма полезным для познания процессов, происходящих не только в относительно далеком прошлом, но и в новейшей истории России.

Во-вторых, в качестве устанавливаемых и исследуемых факторов предполагалось понимать объективно сложившиеся обстоятельства различного свойства, наличие и взаимная динамика которых оказывала ощутимое воздействие на разработку, артикуляцию и формализацию властных устремлений государства в сфере защиты его интересов. Справедливость такой оценочной позиции была полностью подтверждена.

В-третьих, средства и приемы фактологического анализа было признано целесообразным использовать для конструирования профильных содержательных построений ретроспективного типа, как при проведении целевого контент– и интент–анализ, так и – при осуществлении опытного экспериментирования [4].

В – четвертых, источниковый массив данных, предлагаемых к анализу, следовало формировать из нормативных актов различной юридической силы, документальных материалов правоприменения, теоретических исследований профильного назначения, предметно ориентированной периодики, публицистики и мемуаристики.

Эффекты т.н. «исторической беллетристики» при этом могут быть игнорированы, требования условной **«исторической дистанции»** учтены лишь при наличии настоящей к тому необходимости [12; 10,С. 23].

Проблема адаптации содержательных материалов к общей последовательности предъявляемых доказательств, может быть без труда решена посредством минимизации соответствующей фактологии и безусловного следования требованиям предметности [5, С. 119–121].

Заемствование методов смежных наук (исторической демографии, социологии, антропологии, психологии) при построении аналитических схем может осуществляться только при наличии предметных детерминирующих оснований, и разъясняться по факту такого заимствования соответственно требованиям научной корректности.

Эпистемологические оценки должны быть оговорены предварительным порядком. Варианты их нарративного позиционирования должны быть по возможности исключены.

Классификация доказательств должна быть достаточно строгой, за исключением политико–правовых аргументов, предъявление которых осуществлялось в соответствии с принципами юридической силы [11,С.20–33].

Проблема условного **когнитивного диссонанса** между терминосистемой доказательств и вариативностью трактовок ее отдельных слагаемых может решаться пользу энциклопедически определенных формул и устоявшихся историко–терминологических конструкций [13, С.70–174].

Тем самым, соотношение между «познанием прошлого» и «конструированием исторических закономерностей» оказалось позиционировано в режиме диалектического учета объективных условий и субъективных факторов проводимой государственной политики [18, С. 265–274].

Синтетические построения аргументов допустимы. Принципиальных отличий их позиционирования ни при определении ретроспектив т.н. «институального ландшафта безопасности», ни при исследовании «институциональных ловушек», или характеристике перманентно возобновляемых дефектов в государственной политике соответствующего назначения, обнаружить не удалось.

При учете перечисленных условий **предметное поле** источниковедения может быть представлено необходимым и достаточным объемом информационных массивов, позволяющих установить не только событийную последовательность модернизации отечественной системы обеспечения пограничной безопасности, но и выявить закономерности ее конструирования на отдельных направлениях (морском, сухопутном, горном и пр.) и в отдельных регионах приграничья [15,С. 27].

Учет перечисленных обстоятельств обеспечил возможность предъявления сугубо исторических, статистических, полемических и перспективно–оценочных аргументов соответственно избранному факторному анализу и общему замыслу работы [7, С. 14].

В некоторых иных случаях, число которых не превышало объема стандартной статистической погрешности, весомость приводимых оценочных аргументов определялась контент-аналитическим порядком.

Общую эмпирическую базу исследования составили:

- открытые (документальные, справочные, информационные и т.п.) исторические материалы;
- архивированные массивы, документы правоприменения, властно-распорядительные и рекомендательные материалы, предметно ориентированная аналитика;
- сведения о тематике и содержании научных изданий профильного назначения;
- массивы информации, содержащиеся в научной периодике, публицистике, мемуаристике и фондах специальных библиотек;
- сведения об объеме ресурсов интерактивных сетей, содержащих данные по вопросам, касающимся институциональных факторов обеспечения пограничной безопасности;
- информация о целевых исследованиях, проводимых по смежным и аналогичным темам за рубежом.

Логика научных доказательств выстраивалась соответственно традиционным **историографическим канонам**, согласно которым из заранее подобранных информационных массивов выделялись фактически доказанные, достоверные и репрезентативные слагаемые. Затем сами массивы структурировались по параметрам соответствия базовой гипотезе работы (гипотезе об исторической ценности опыта реализации государственной политики сферы обеспечения безопасности - А.Г.), уточнялись и дополнялись согласно авторскому замыслу, выстраивались в систему взаимосвязанных аргументов [8, С. 21].

Градация использованных исторических источников осуществлялась по параметрам их значимости для обеспечения безопасности. Уровни указанной значимости определялись средствами контент-анализа. Ни по параметрам историографической ценности, ни по хронологическим показателям или по показателям объема источников, такая градация не осуществлялась. Тем самым обеспечивалась известная **жесткость методологической схемы**, ее постоянное соответствие базовой гипотезе проводимого исследования [14, С. 409–410].

Основанием для утверждения о достаточной **достоверности и валидности** полученных результатов стал объем использованных историографических источников и их предметная, преимущественно жанровая, классификация.

При этом личностный оценочный фактор (т.н. «фактор изначальной предубежденности» - А.Г.) минимизировался, его наличие определялось лишь требованиями полноты аргументации и параметрами оптимальной достаточности доказательств [16, С.5–59].

Все предъявляемые аргументы опирались на достоверные источники, вводились в абсолютную зависимость от них, и представлялась в непосредственной связи и позиционируемыми предикатами. Бездоказательные конструкции, предположения, неопределенные нарративы и сомнительные версии исключались.

Таким образом, избранная методологическая **схема**, выступая теоретическим остовом проводимого исследования, позволила акцентировать внимание на специфике институциональной профессионализации исторического знания, выявлять его научные формы,

уточнить критерии исторической значимости, позволяющие избежать поверхностности аналитических суждений и их примитивного историописания.

Это обеспечило возможность увидеть процесс стратификации и легитимации пограничной безопасности в качестве уникального феномена, объективно нуждающегося в детальном научном анализе. Полученные статистические сведения подтвердили первоначальное предположение о том, что историко–теоретический компонент построения соответствующей системы представляется не только интересным, но и является крайне важным для выработки деятельностных стратегий и государственной политики профильного назначения [17].

Ее анализ подтвердил первоначальное предположение о том, что сегодня есть основания утверждать, что оборонная политика России, вектора которой определились в постсоветский период, продолжает во многом оставаться в рамках реалистической парадигмы. Всякие попытки т.н. «разгосударствления», «децентрализации» и «фрагментации» указанной политики следует оценивать в качестве деструктивных, провоцируемых теоретическими изысканиями наших зарубежных оппонентов, которым не по душе единая, мощная и самостоятельная Россия [6].

Патерналистски ориентированный подход, выдержанный в категориях традиционной отечественной стратегемы безопасности, представляется вполне обоснованным, диалектичным, не теряющим своей актуальности. Он подкреплен необходимыми историографическими описаниями и, в силу названных причин, именно его следует класть в основу институциональных построений [3].

Теоретические изыскания, требующие отхода от подобной оценочной позиции, и трактующие ее в качестве препятствия для интеграционных процессов, следует полагать фоновыми и малозначащими.

Проведенный эксперимент со всей очевидностью подтвердил справедливость указанного тезиса. Ценность международных союзов, трансграничных контактов, пограничного взаимодействия и им подобных реалий, признавали значимыми факторами безопасности лишь около 16% респондентов.

Хотя указанные характеристики безопасности хорошо иллюстрируются популярными в либеральной среде терминами, типа «взаимного пересечения интересов», «проникновения доминирующих устремлений через государственные рубежи» и подобными смысловыми конструкциями, утверждать первенство коммуникативности границ над их барьерностью, значит не видеть реалий, складывавшихся в отечественном приграничье в последние двадцать лет.

Если же все-таки не попадать в плен псевдолиберальных суждений, стоит согласиться с тем, что истинными линиями разделов, проходящими по рубежам России, сегодня все более определенно становятся экономические интересы, идеологические установки, этнические и религиозные предпочтения, политическая конъюнктура.

Перечисленные оценки нашли свое закрепление и в значительном числе профильных работ.

В них справедливо отмечается, что к концу 90–х годов прошлого столетия границы, сформировавшиеся после Второй мировой войны, переставали быть «маркерами» пространственного развития. Соответствующие административные регуляторы потеряли свой потенциал, становились все менее неэффективными. Таковой была своего рода реакция на реалии глобализации. Результатом существования этих явлений стала перманентно растущая

дифференциация регионального миропорядка, медленное, но достаточно активное разрушение существовавшей архитектуры безопасности.

Для сохранения своего статуса и роли государствам требовалось получить такие преимущества, которые бы давали ему возможность оставаться в числе самодостаточных и суверенных. Вариантом получения таких преференций стала интеграция некоторых бывших союзных республик СССР в исторические сложившиеся евро–региональные структуры экономического, политического и военного свойства. Некоторые из них создавались исключительно для противодействия интересам России.

Патологическую целеустремленность и приверженность сомнительным «идеалам» таких организаций демонстрировали республики бывшей Советской Прибалтики, Молдавия, Грузия, Украина. Очевидно, что намерения этих государственных образований к «воинствующей евроинтеграции» не могли не сказаться негативно на безопасности постсоветского приграничья [9, С. 51].

По всей вероятности, есть основания согласиться с оценками, имевшими место в отношении указанных стран при получении итоговых данных эксперимента. Некоторые респонденты метко называли их **«агрессивными социальными идентичностями»**, действия которых чаще всего деструктивны и прямо вредят стабильности и миропорядку.

Возвращаясь к опытно-экспериментальным аспектам проведенной работы, стоит заметить, что осуществленный контекст-анализ позволил установить наиболее значимые аспекты профильной методологии. Таковыми стали:

- выявление общих структур соответствующего спектра; проверка и уточнение уже сложившихся теорий, характеризующих природу и эволюцию указанных структур;
- анализ научных ретроспектив развития исследуемого факторного пространства; осмысление его значимых слагаемых, как элементов социального опыта;
- изучение выявленного разнообразия с позиций соответствия базовой гипотезе эксперимента;
- предоставление утилитарного нарратива в виде указания на существование реальной проблемы ранее пренебрегаемой, либо недооцененной научной общественностью;
- стратификация новых теорий или подходов к исследуемым реалиям.

Все перечисленное дает основания утверждать, что проведенная работа:

- в определенной степени устраняет дефицит концептуального обоснования институализации пограничной безопасности, снижает число теоретически-противоречивых трактовок этого явления,
- некоторым образом ликвидирует ряд пробелов и коллизий в исторических оценках указанного феномена,
- обеспечивает понимание значимых и важных параметров защиты интересов государства от деструктивных воздействий;
- пополняет собой методологический арсенал институализации пограничной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.; Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в отечественную историографию XX века. Омск, 2001., – 348 с.
2. Головня А.И. Институциональные факторы обеспечения пограничной безопасности постсоветской России: историческое исследование. Монография./ А.И. Головня. –М. РИО Погран. академии ФСБ России 2012., –462 с..
3. Головня А.И. Историография безопасности постсоветской России: институциональные аспекты. / А.И. Головня – М.: Тип.: РИО МПИ ФСБ России. 2014. -408 с.
4. Камынин В.Д. Теоретические проблемы историографии на рубеже XX–XXI вв. // Известия Уральского государственного университета. 2010. –№ 3 (78). –С. 63–71.
5. Маловичко С.И. Феноменологическая парадигма источниковедения в изучении историографических практик // Imagines Mundi : Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. : Историк, текст, эпоха : IV междунар. науч. конф. Уральского отд. Российского общества интеллектуальной истории. Екатеринбург, 2012. С. 119–121;
6. Марин А. Российские регионы: между протекционизмом и глобализмом. \ В сб.: Выступления на Третьем Конгрессе Регионалистов. –Большое Болдино, 2001 г.
7. Медушевская О.М. История в общей системе познания смена парадигм //Единство гуманитарного знания: новый синтез : материалы XIX междунар. науч. конф. Москва, 25–27 янв. 2007 г. М., 2007. –С. 14.
8. Муравьев В.А. История, исторический источник, историография, история исторического познания (размышления о смысле современных историографических исследований) //В сб.: Рубеж истории: проблемы методологии и историографии исторических исследований. Тюмень, 1999. –С. 21.
9. Неклесса А. Конец эпохи большого модерна.\ В сб.: Новые реальности меняющегося мира. Материалы конференции, 1–2 ноября 1999 года. М., 2000, –С. 51.
10. Нора П. Между памятью и историей: Проблематика мест памяти // Франция–память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Реюмеж, М. Винок. –СПб. : СПбГУ, 1999 . – С.23.
11. Попова Т.Н. Историографическая наука: проблемы самосознания // Харківський історіографічний збірник. Харків.: НМЦ «СД», 2000. Вип. 4. С. 20–33.
12. Портреты историков. Время и судьбы: - В 2 т. (Т. 1. Отечественная история; Т. 2. Всеобщая история. М., 2000, –298 с.
13. Пушкарев Л.Н. Классификация письменных источников по отечественной истории. М.: Наука., 1975. – С.70–74.
14. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. : социальные теории и историографическая практика. М., 2011. –С. 409–410.
15. Румянцева М.Ф. Феноменологическая парадигма источниковедения в актуальном историографическом пространстве // Будущее нашего прошлого : материалы всеросс. науч. конф. М., 2011. –С. 27.

16. Сахаров А.М. Некоторые вопросы методологии историографических исследований // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977. –С.5–59.
17. Хаттон П. История как искусство памяти. – СПб.: - Нева-пресс. 2003. –375 с.
18. Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // В сб.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. –С. 265–274.
19. Шмидт С.О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии XVIII в. М.: Наука, 1997.

Alexandr Golovnya

Moscow state University of instrument engineering and Informatics

Russia, Moscow

E- mail:gai20013@gmail.com

Border security of Russia: methodological perspective studies

Abstract. In the presented work discusses methodological approaches to the study of historiographical space border security. Through the unique design of the methodological framework, the author presents scientific community conglomerate arguments proving the fundamental possibility, the validity and usefulness of the target retrospective analysis of the problems of protection of Russia's interests on its external borders.

Keywords: retrospective; historical reflection; retroporno; space security; methodological scheme.

REFERENCES

1. Barg M.A. Epokhi i idei. Stanovlenie istorizma. M., 1987.; Bychkov S.P., Korzun V.P. Vvedenie v otechestvennuyu istoriografiyu XX veka. Omsk, 2001., – 348 s.
2. Golovnya A.I. Institutsional'nye faktory obespecheniya pograničnoy bezopasnosti postsovetskoy Rossii: istoricheskoe issledovanie. Monografiya./ A.I. Golovnya. –M. RIO Pogran. akademii FSB Rossii 2012., –462 s..
3. Golovnya A.I. Istoriografiya bezopasnosti postsovetskoy Rossii: institutsional'nye aspekty. / A.I. Golovnya – M.: Tip.: RIO MPI FSB Rossii. 2014. -408 s.
4. Kamynin V.D. Teoreticheskie problemy istoriografii na rubezhe XX–XXI vv. // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. –№ 3 (78). –S. 63–71.
5. Malovichko S.I. Fenomenologicheskaya paradigma istochnikovedeniya v izuchenii istoriograficheskikh praktik // Imagines Mundi : Al'manakh issledovaniy vseobshchey istorii XVI–XX vv. : Istorik, tekst, epokha : IV mezhdunar. nauch. konf. Ural'skogo otd. Rossiyskogo obshchestva intellektual'noy istorii. Ekaterinburg, 2012. S. 119–121;
6. Marin A. Rossiyskie regiony: mezhdru protektsionizmom i globalizmom. \ V sb.: Vystupleniya na Tret'em Kongresse Regionalistov. –Bol'shoe Boldino, 2001 g.
7. Medushevskaya O.M. Istoriya v obshchey sisteme poznaniya smena paradigm //Edinstvo gumanitarnogo znaniya: novyy sintez : materialy XIX mezhdunar. nauch. konf. Moskva, 25–27 yanv. 2007 g. M., 2007. –S. 14.
8. Murav'ev V.A. Istoriya, istoricheskiy istochnik, istoriografiya, istoriya istoricheskogo poznaniya (razmyshleniya o smysle sovremennykh istoriograficheskikh issledovaniy) //V sb.: Rubezh istorii: problemy metodologii i istoriografii istoricheskikh issledovaniy. Tyumen', 1999. –S. 21.
9. Neklessa A. Konets epokhi bol'shogo moderna.\ V sb.: Novye real'nosti menyayushchegosya mira. Materialy konferentsii, 1–2 noyabrya 1999 goda. M., 2000, –S. 51.
10. Nora P. Mezhdru pamyat'yu i istoriey: Problematika mest pamyati // Frantsiya–pamyat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Reyumezh, M. Vinok. –SPb. : SPbGU, 1999 . –S.23.
11. Popova T.N. Istoriograficheskaya nauka: problemy samosoznaniya // Kharkivskiy istoriografichniy zbirnik. Kharkiv.: NMTs «SD», 2000. Vip. 4. S. 20–33.
12. Portrety istorikov. Vremya i sud'by: - V 2 t. (T. 1. Otechestvennaya istoriya; T. 2. Vseobshchaya istoriya. M., 2000, –298 s.
13. Pushkarev L.N. Klassifikatsiya pis'mennykh istochnikov po otechestvennoy istorii. M.: Nauka., 1975. – S.70–74.
14. Repina L.P. Istoriicheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv. : sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M., 2011. –S. 409–410.
15. Rumyantseva M.F. Fenomenologicheskaya paradigma istochnikovedeniya v aktual'nom istoriograficheskom prostranstve // Budushchee nashego proshlogo : materialy vseross. nauch. konf. M., 2011. –S. 27.
16. Sakharov A.M. Nekotorye voprosy metodologii istoriograficheskikh issledovaniy // Voprosy metodologii i istorii istoricheskoy nauki. M., 1977. –S.5–59.
17. Khatton P. Istoriya kak iskusstvo pamyati. – SPb.: - Neva-press. 2003. –375 s.

18. Shmidt S.O. Nekotorye voprosy istochnikovedeniya istoriografii // V sb.: Problemy istorii obshchestvennoy mysli i istoriografii. M., 1976. –S. 265–274.
19. Shmidt S.O. Put' istorika: izbrannye trudy po istochnikovedeniyu i istoriografii XVIII v. M.: Nauka, 1997.